

ВРИИ

Алексеев

Над Петропавловкою ангел
Пророчит переходящим путь,
Любимица царева Анхен
Всю ночь не может глаз сомкнуть.
И малко крапит в окна морось,
Продажна стража у ворот,
Тревожно дышит рядом море,
Гонимая желтый яд Солот.
И волни кончатся для бунта,
И Петербургу быть пусту.
Городовой прижался к будке,
Прохожий съезжен на мосту.

Ты знаешь я измучен
 Поеду на природу
 Лягу у излучины
 Мордой в воду
 Кувшинки закачаются
 Зашелестят листья
 Поздравит с окончанием
 Великого поста
 В лесу разнагиваюсь
 В ольшаник голышом
 Никто не помышляет
 И очень хорошо
 И зарекусь о встречах
 О шуме городов
 Шумит камень над речкой
 И веет холодок
 О славе и о силе
 Ты больше мне не пой
 Крадусь тропой лосиной
 На водопад
 Поймаю изнасилова в осиннике сиром
 Бродил я по России
 Дыра дырой
 В лесу играю с лешки
 С русалками вокусь
 Над путником потелусь
 До смерти завоку
 Прими меня раздолье
 Затеяливых причуд
 Я вырвался на волю
 Обратное не хочу

Рокь скучает золотая:
Тяжелы ее плоды,
Стая стонет отлетая
Над равниной воды.
Над равниной клубятся
Крутосюжи облака,
Птицы черные садятся,
Поднимается бока.

Спать за рекой поднимается дым,
Огромное пламя клубится.
Над красной равниной великой воды
Летят черногрудые птицы.
В какую страну,
За какие моря
Летят эти птицы
И крылья горят?

Мы с тобой у реки
Отряхнем парики.
Птицы черные летят,
Возвращаться не хотят.
Не ходите как ходите,
Прилетайте заходите
Будем в косточки играть
И бросать их под кровать
Папиросочки курить
Будем с вами говорить
Что в реке красна вода
Бузина и лабуда
Вырастают во дворе
Прилипают к конуре.
Зелтый нас цепями бривнет,
На болоте утка крикнет,
Встрепенется, полетит
По давняшему пути.
Это осень колесбродит,
Этой осени не верь,
Закрывай плотнее дверь:
Бродит страшный рыжий зверь. 00

Солнце желтое вставало
И катилось, как арбуз,
Небо синее качалось
У верблюда на горбу
Мы шагали по Сахаре
От зари и до зари,
Быстро слезы высохали
И кончались сухари
Без конца и без начала
Путь пустынный на восток.
Рядом шли, но всё молчали
И наомник и пророк.

Минареты, минареты
И гусяний муэдзин,
Коньяки и сигареты
Предлагает магазин.
Скорпионы, как пионы
Расцветают на песке
И английские шпионы
Кувыркаются в тоске.
В древнем граде Самарканде
У прохожих на виду
Падивах лежат в саду,
Дава зреет на веранде.

О плохой погоде
Мне не говоря
Вот живут — чирикают
В клетках снегиря
Вот гуляет ветер
Между облаков
Вот живет на свете
Роберт Дураков
Без тебя всё знаю
Без тебя всё горю
Спать залезаю
В клетку к снегирю
И сижу чирикаю
На ветке одной
Я о жизни личной
Птичка о другом.

Помню полдень,
 Цирк пустынный,
 На арене нестрой клоун
 Зайчик солнечный ловил.
 Я сидел в ряду последнем
 Был ладошкой о подушку,
 Говорил соседке слева,
 Что прелестно представление.
 Весело звенела флейта,
 Все пиликала, свистела
 И невидимый оркестр
 Ей подыгрывал, как мог,
 Ей подыгрывал, фальшивил,
 Торопился, спотыкался —
 Все искали дирижера,
 Он же был мертвецки пьян.
 И мельком взглянул на купол
 Увидал там акробата.
 Что, стихи! — наука смерти! —
 Чей-то голос подсказал.
 Я смутился, сел на землю,
 Вынул сонное сердечко
 Из песка и из опилок
 И кулич соорудил.
 Все захлопали в ладоши,
 Закричали — Браво! Браво!
 Не постыжусь, архитектор! —
 И давай меня качать.
 Но, устав от тягот славы,
 Я спокойно удалился,
 Завернувшись в одеяло,
 Отвернулся к стенке нестрой,
 Нос в отдушину просунул
 Горным воздухом дышать.
 Сколь тернист ваш путь к успеху!..
 Помню только цирк пустынный,
 Клоун юркий, слон-халтурник,
 Дрессировщик-варьяган.

Вчера был крупный разговор
И я был первым в разговоре.
Один сказал, что будет мор.
Другой сказал, что будет море.
Чересполосица чудес,
Чересполосица чудачеств.
Я помню речку, помню лес,
Я помню мы с тобой на даче
Я помню длинный разговор
И я был первым в разговоре,
Сказала ты, что будет мор,
А я сказал, что будет море.

Вскинь платок на плечи:
Прохладен этот вечер.
Мы посидим у печки
С тобой поговорим,
О датах, о халдеях,
Что календарь худеет,
Что окна индевеют,
А в них ноябрь горит.
Сменяются идеи,
Века, оледененья,
А мы с тобой вечно
Сидим и говорим.
О датах, о халдеях,
Что календарь худеет,
Что окна индевеют,
А в них ноябрь горит.

Скрипи, скрипи мое перо.
Век восемнадцатый, романтизм.
Природы яркое убранство
Замысловато и нестро.
И незаметно, и легко
Возносит осень храм прозрачный
В пруду утонет вечер крачный,
Отбросив тень на потолок.
Скрипи, скрипи мое перо,
Рисуя ахурные картины
Времен Второй Екатерины
Замысловато и нестро.

И со стоном я очнулся
И увидел владения -
Черный лебедь изогнулся
Целовать к твоей руке.
И на плоскости зеркальной
Царскосельского пруда -
Отблеск окон, звон хрустальный
И мазурки ерунда.

Забави зимнего хитя,
 Когда по снежному покрову
 Блещит ветер и багровый
 Туман над городом висит
 Курьези зимнего хитя,
 Невыносимые морозы,
 Разлуки голос,
 Смех сквозь слезы
 И одинокие часы.
 Я Летний сад люблю зимой,
 Когда проторенной тропой
 Снегу сквозь ветер ледяной,
 Снегу и сумерек пугаюсь,
 И тень моя бежит, качаясь,
 Не отстаёт, бежит за мной.
 Как много времени ушло,
 Какую постигал ты книгу
 Пыл в одиночестве вино
 Кивал библейскую ковригу,
 Открыл глаза
 И удивился снегу.
 Пустынни белоснежные палаты
 И в мире всё пушисто и мохнато,
 А в городе далеком, черепичном,
 Остроконечном, глазу непривычном
 Разматывает пряжа свой клубок
 И снег лежит спокоен и глубокий
 И Дед Мороз румяный и плечистый
 Дает детинкам праздничный урок
 И светел неподвижен и высок
 Над крышами рождественский лыжок.
 Но здесь не так.
 Здесь город, но иной,
 Орадивый, остывший, немой
 И пораженный слепотой куриной
 В морозном воздухе висят его куртины
 Под мутное полярное звездой.
 Мне говорят:
 Воздвигнут на костях,
 Среди болот болезненным народом
 Реки его простуженные воды
 Его горюхи губельно хотят.
 Мне непонятен твой язык надменный,
 Пурпурный отблеск колокол твой медный

Когда на перепутье всех дорог
Ты вдруг возносишь
Профиль свой победный
И выше нет предела только Бог.
Везде темно,
Но есть вечерний свет
Он крестиками метит птичий след
Сползает вниз по кровле остроглазой,
Высвечивает контур в полутьме,
Душа моя, покорная зиме
Трепещет, треплется,
Как мотылек над газом.

О чем хлопочет зимний сад,
Куда летят листы сухие?
Слышишь чьи-то голоса,
Мелькают тени голубые
Промедлих вычурных времен
Когда звучала здесь мазурка
И грациозный котильон.

Век девятнадцатый у нас
Имел особенные свойства...
Вот Александр Бенуа
Ведет игрушечное войско
На площадь. Падает снежок,
Пишит фельдшерский рожок,
В душе рождая беспокойство.

А где-то в поднебесной мгле,
Вертится как флигелер на игле,
Летит корабль очумалый.
Летит маршаль и светляк.
А мы троей оледенелой
Спешим сквозь ветер, матерясь,
Спешим, во мгле теряясь белой.

И снег летит со всех сторон,
И раздаётся вдруг трезвон:
Трамвай, пути не разбирая,
Летит. Дорожка ледяная
Блестит. Мелькает желтый свет
И вьется веревочка лет,
Повышкой снежною играл.

Увели новая зима
Колдует, сводит нас с ума,
Заводит музыку шарманки.
Сутулий месяц смотрит вниз,
Снежок ложится на карниз.
Над белой пустошью фонтанки
Разбойный раздаётся свист —
Летят игрушечные санки.

За ними дни мои летят,
В саду серебряном теряясь,
В стекле зеркальном отражаясь,
Кружась в мазурке снеговой

Под звук музыки метели
 Не те ли бесы залетели
 Сюда с дороги столбовой?

Ужели в каждом январе
 Терпеть бесовские ужимки,
 Листая белые картинки
 В рождественском календаре.
 Ужели каждой зимой
 Корпеть над рифмов упрямой
 Над неудачною строкой?

Оставляю, впрочем, все как есть.
 Не удастся явно повесть
 Умереть, Муза, ваму спесь.
 Все было сделано на совесть.
 Оставим... Новая зима
 Распорядится сама сама,
 А мы пойдем, не беспокоясь.

Не беспокоясь ни о чем,
 Мы сад светящийся пройдем,
 Притихший после снеготаяда.
 Вот знаменитая ограда...
 Трехгранный шпиль вдали блестит
 И ангел трепетный летит,
 Расхожий символ Ленинграда.

Я в этом городе смиря свою тоску,
Поволокусь глазами по песку,
Я выйду в пригород искать ее следы,
Вот пляж пустой на камне у воды
Понурая, печальная, больная,
Плачевная фигурка попугая.

Я слушаю эфир трескучий
 Но боле мне незмоготу
 Я у Кривулина спрошу
 Как написать мне стих павучий
 На всем дыханья, на лету
 Качнет Кривулина головой
 Сатира, сатирик, искуситель
 Чернорабочий жук, носитель
 Традиций русского стиха
 Он мне расскажет про корей
 Про амфибрахий и про дактиль
 Поэт, плит, работодатель
 Сидит он в башенке своей
 Сидит черняв, кудлат, разлапист
 Колдует вочью при свече
 Гальванизируя аванест.
 Я у Охалкина спрошу
 Как приобрести такую хватку
 Постичь язык зверей и птиц
 Не падать перед музой ниц
 И всё записывать в тетрадку
 Я у Кузьминского спрошу
 Открыть секреты каламбура
 Но в буром небе Петербурга
 Неразговорчив, солен хмур он
 Вредет горбат и горбонос,
 Напоминал сам вопрос.

В.И.

Мы бежали по Невскому вверх,
 Распустив парусную одежду,
 Мы бежали за общей надеждой —
 Разделить ее братски на всех.

Разделить на двоих — пополам —
 Дивный призрак небесной свободы,
 Этот шум, этот крик, эти своды...
 Мы бежали как псы по следам
 Нашей вности, наших утрат,
 Ваших женщин из облей постели.
 Мы вагали, бежали, летели
 Наудачу, вперед, наугад.

Ни себя, ни любви, ни друзей,
 Не жалея в азарте погоня.
 наших судеб крилатые кони
 Подминали случайных людей.

Качает ветер 27 свечей,
Их пламя на ветру колыхается и скачет,
Над ними рой однообразных дней
Без золотого проблеска удачи.

Но пусть сквозит рождественский сквозняк
Чужих следов стирая отпечатки.
Да будут дни — когда с утра коньяк
Мерило несказанного достатка.

Да будем зить. Пусть царствует зима.
Мы не растратим слов в беседе о высоком
Нам истина откроется сама
В рассеянном хмеле или во сне глубоком.

К. Кузьминскому

Отгорелая, серая гарь
 Городских и преступных потюток,
 Старинной плесневелой своей ларь
 Говори, где собака зарыта
 Там ли плач малолетних детей
 Там ли дерзая печаль об умерших
 Заболевших и впрямь не сумевших
 Выгнать мрак пустынных ночей,
 Это заушь приходит на уш
 Бред постов, понаших на Прияку,
 Провлачивших судьбу, как суму
 И для крика все связки напратных.

Это вам кричат запречь коней
 Это рудья вынимает из-за плеч
 На пустых равнинах площадей
 Продолжает время тулко течь
 Продолимают проползать века
 Прониклая явь идут калеки
 Люди переходят обиды
 За собой увлекая реки
 Это ветер с четырех сторон
 Постоянно тихо беспробудно
 Спороклевный печалью похорон
 Силом возвращается прибудным.

И сюда добирается муш
 И бесшотно мелемлет вторы
 Скопидом, туголум, скудоум
 Подбивает опять в разговоры.
 Подпускает словечко - и ласть
 Крепость духа, как риза разламлет
 И ему в разговоре кивлем
 Что не всё гениально, но есть.
 Отгоны проразчателем лам
 Вне соблазна и денежной связи
 Соболезнуй, страдай и яви
 Со свободой своей сообразно.